

Василий Кононов-Гредин «Антиформы»

Мы редко задумываемся о том, что при походе на выставку перед нами разворачивается настоящая драма. Художник играючи придает форму вещам, но ведь и они могут бунтовать и не поддаваться, заявляя почти что в голос о своей субъектности. Вещи хихикают над нами, а порой плачут, но чаще, очевидно, ведут очень тихий и вдумчивый диалог, в котором раскрывается не только задумка автора, но и некоторая правда о мире. Если представить выставку как спектакль с выставленным светом, работой режиссера, игрой актеров, какую историю они расскажут? А ведь была еще и репетиция, которая осталась за кадром...

1. Структура

Слова, цвета, свет, звуки, камень, дерево, бронза принадлежат живому художнику. Они принадлежат любому, кто умеет ими пользоваться. Разграбьте Лувр! A bas l'originalité [долой оригинальность], бесплодное и самоуверенное эго, которое, создавая, запирает нас в тюрьму. Vive le vol [да здравствует кража] – чистая, бесстыдная, совершенная. Мы ни за что не отвечаем. Крадите все, на что падает взор.

Уильям Берроуз «Les voleurs»

Искусство, которое вырывает нас из автоматизма восприятия и заставляет задуматься еще и о нашей роли в нем, на самом деле редкость. Привычный ход художественной жизни в этом автоматизме представляет собой вязкий поток: людные вернисажи, сладостные смол-токи и привычные картины – что может быть лучше для приятного полунаркотического опьянения обыденностью. Мало когда здесь есть место вещам странным, необузданным, дерзким, таким, которые обращают на себя внимание, кусаются, прыгают на нас из тьмы нашего незнания – а ведь именно они и производят работу остранения, профессионалами которого были не только русские формалисты, но и Марсель Дюшан, сделавший писсуар главным героем своего анатомического реди-мейд театра. Возмутительно! Безобразие! Позор! Художник вывел на авансцену велосипедное колесо!... и навсегда изменил наше представления об искусстве, законсервированном в типичных структурах разделения ролей. Художник, покусившийся на власть расставлять в сакральном храме культуры мирские объекты, запустил маховик тотальной диффузии искусства и жизни, в итоге которой «каждый будет художником, но не будет именно так называться».

«Антиформы» наверняка наследуют методу авангардного, абсурдистского реди-мейда, но вырывают его из столетнего сна апроприации и нейтрализации эмансипаторного потенциала. Формально это разобранные и пересобраные друг с другом вещи, зачастую в непредставимых доселе гибридах – книги по всемирной истории, канистры с эпоксидной смолой, тренажеры и бензопилы, банкоматы и машины, засохшее бревно, свежая зелень – вещи, все еще странные для искусства, не выхолощенные и не кастрированные нормой. Все перемешано здесь в наборы «собери сам», «оставь будущим поколениям» или абсурдистские survival kits, с которыми можно играть на уровне инструкций: следуй им и получи утилитарную вещь, наплюй на них и собери что-нибудь свое. Как в точном тексте каждое слово имеет значение, так и в добротном произведении каждая деталь на своем месте, но щедрый художник делится с нами своей властью собирать разрозненное в целое и тем самым подрывает право на авторскую оригинальность.

2. Язык

Надо «сверлить дыры» в языке, дабы увидеть или услышать «то, что притаилось с обратной стороны».

Жиль Делез «Критика и клиника»

И вот благодаря предельной декомпозиции выставка действительно превращается в театр, но уже радикальный и анатомический, где акторно-сетевые гибриды природы и культуры вопят о

собственном освобождении. Метод берроузовских нарезок по отношению к искусству доказывает шизофреничность, но связность мирового потока, чтобы мы могли выудить в нем новое и доказать, что возможно все: превращение банкомата в горшок для растений, запечатывание истории в эпоксидной смоле, объединение американской и советской бензопил — зачерпни руками мультиверс вариантов, танцующих дикий танец реальности. В то же время, декомпозиция вещей до предельного антиутилитаризма подсвечивает их самость: мы собираем квадратики металлов и кружочки тканей, чтобы поехать в новенькой машине за покупками, но что есть сама машина, как не набор деталей, спаянных чем-то общим — например смыслом?

Препарирование вещей перформативно указывает на их необычайную нужность, ту же утилитарность, но остраненную, ведь обычно ладность вещей не должна заявлять об их бытийственности, наоборот: чем менее зубасты и чем более приручены вещи, тем автоматичнее может быть их использование. Получается, мы не просто стали людьми-автоматонами, но и погрязли в абьюзе вещей, и это наш родной, неререфлексируемый язык общения с миром. Его ревизия, пересобирание сродни демиургическому созиданию, в котором переоткрывается возможность уважения к другому. Пусть стяжки тут держат целое, как смысл спаивает слова в язык, ранее казавшийся детским лепетом, абсурдом или тарабарщиной — значит, все-таки есть что-то, что может и объединять. И как повезло, что мы можем попробовать поиграть в эту фантазию о новых конфигурациях хотя бы в лаборатории искусства.

3. Сознание

Если ты способна видеть вещь как нечто целое, она всегда кажется прекрасной. Планета, человек, любое проявление жизни... Но если приглядеться, рассмотреть детали, то любая планета может показаться просто грудой камней и грязи <...> Нужно расстояние, промежуток времени, простор — чтобы увидеть, как прекрасна та или иная планета, твоя собственная каменистая земля... Чтобы увидеть ее, как луну!

Урсула ле Гуин «Обделённые»

Увы, наша инертность зачастую не позволяет нам зафиксировать автоматизм становления структур, формирующих язык и сознание. Заложенные однажды, они вперед непосредственного понимания навязывают вещам интерпретации: сочетание цветов, противостояние знаков, ироничная неоднозначность значений — все втягивает нас в круговорот идеологических ассоциаций, войну бинарных интерпретаций, претендующих на тотальность. Для их слома должно произойти чудо или (что одно и то же) активное пробуждение из сна инертности, который заставляет нас смотреть на вещи только так, и не иначе, запрещает нам оборачивать точку зрения, совершать метаною взгляда.

Если все — политика, искусство, экономика — есть язык, оказывающий влияние на наше сознание и передающее по наследству репрессивные структуры мышления и восприятия, то в моменты, когда его старые смыслы выхолащиваются и перестают работать, остается лишь создать новый. Нам навязывают истинны, данные раз и навсегда, однако еще совсем недавно человек не летал по небу и не мог молниеносно отправить письмо другу, так почему бы не вообразить, что он может жить с миром в мире и с любовью на него смотреть? Порой для того, чтобы увидеть, как работает идеология, необходимо провести работу различения: нарезать стройную речь манипулятивной политики, обнажив ее иллюзорность и фальш, и пересобрать слова в уже новые смыслы, неспособные ранить.

«Антиформы» — это лаборатория вещей, которая деконструирует власть интерпретации и тут же приглашает «поиграть в бисер» ассоциаций и радикальных фантазий о будущем, примерив на себя роль художника смыслов. Их калейдоскоп, вступая в гибридные отношения со зрителем, ставит в этом театре трагикомедию человеческого существования — она кружит нас в водовороте ассоциаций, чтобы довести до предела и вернуть снова, назад к вещам, болтикам и стяжкам реальности, но уже лишенным идеологического морока. Чем больше «встреч швейной машинки и зонтика на прозекторском столе» мы сможем вообразить, тем лучше: пожалуй, сложно найти для искусства миссию благороднее — быть тренажером радикального воображения, меняющего мир к лучшему...

...Но кто знает, «троянский конь» перед нами, или просто разобранный по частям машина?

Анастасия Хаустова